

Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении СССР (1931—1937 гг.)

Ян Итин,

аспирант 3-го года обучения кафедры истории России XX—XXI веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

E-mail: jan.itmsu311@yandex.ru

В статье рассматривается в контексте изучения предпосылок Второй мировой войны в Азии один из сложнейших исторических периодов советско-китайских отношений — 1931—1937 гг., когда милитаристская Япония развязала войну против Китая, т.е. от «Маньчжурского инцидента» 18 сентября 1931 г. до начала полномасштабной Японо-китайской войны 7 июля 1937 г. Актуальность темы подтверждается важной ролью Китая в системе международных отношений на Дальнем Востоке и значимостью «китайского вектора» в российской внешней политике на всех исторических этапах. Автор обращает внимание на малоизученные аспекты проблемы в отечественной историографии и предпринимает попытку рассмотреть процесс развития советско-китайских отношений в указанный период с позиции Китая. Это позволяет представить новую точку зрения на неуклонное осложнение международной ситуации на Дальнем Востоке в 1930-е гг., ставшее прологом Второй мировой войны. Выделяются главные характерные особенности советского направления внешней политики Китая описываемого периода, показана двойственная суть дипломатических манёвров гоминьдановского правительства Чан Кайши между СССР и Японией в довоенные годы, анализируются причины и последствия важных решений, принятых руководством Китая в отношении СССР. Цель статьи — выявить внутренние и внешние факторы, способствовавшие или препятствовавшие взаимопониманию Советского Союза и Китая в самые критические годы, когда на Востоке формировался очаг новой мировой войны.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, японо-китайские отношения, внешняя политика Китая, дальневосточная политика СССР, милитаристская Япония, Гоминьдан, Чан Кайши, Коммунистическая партия Китая (КПК), Советско-китайский договор о ненападении 1937 г.

China's Foreign Policy Strategy in Relation to the USSR (1931—1937).

Yang Yiting, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: jan.itmsu311@yandex.ru.

The paper is devoted to the study of the preconditions of the Second World War in Asia. The paper examines one of the most difficult historical periods

of Soviet-Chinese relations — 1931—1937 — when militaristic Japan unleashed a war against China, that is, from the “Manchurian Incident” on September 18, 1931 to the start of the full-scale Sino-Japanese War on July 7, 1937. The relevance of the research topic is confirmed by the important role of China in the system of international relations in the Far East and the importance of the “Chinese vector” in Russian foreign policy at all historical stages. The author draws attention to the poorly studied aspects of the problem in Russian historiography and tries to consider the process of the development of Soviet-Chinese relations during this period from the position of China. This allows us to present a new point of view on the steady complication of the international situation in the Far East in the 1930s which became the prologue of World War II. The paper highlights the main characteristic features of the Soviet direction of China’s foreign policy of the described period, shows the dual essence of the diplomatic maneuvers of the Kuomintang government of Chiang Kai-shek between the USSR and Japan during the pre-war years, analyzes the causes and consequences of important decisions made by the Chinese leadership in relation to the USSR. The purpose of the paper is to reveal the internal and external factors that contributed to or hindered mutual understanding between the Soviet Union and China during the most critical years when the focus of a new world war was forming in the East.

Keywords: Soviet-Chinese relations, Japanese-Chinese relations, Chinese foreign policy, Far Eastern policy of the USSR, militaristic Japan, Kuomintang, Chiang Kai-shek, Chinese Communist Party (CCP), Soviet-Chinese non-aggression pact of 1937.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В начале 1930-х гг. система международных отношений на Дальнем Востоке пережила коренной перелом в связи с внезапной оккупацией территории Маньчжурии Японской империей (сентябрь 1931 — март 1932). Одним из важнейших последствий нового этапа японской экспансии на азиатском континенте явилось восстановление разорванных с 1929 г. советско-китайских дипломатических отношений, что в значительной степени повлияло на дальнейшее развитие ситуации в регионе. В этом процессе важную роль сыграл новый внешнеполитический курс в отношении СССР, выработанный китайским гоминьдановским правительством с целью выхода из международной изоляции на фоне маньчжурского кризиса. На этом важном сюжете внимание современных исследователей не заострено. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел. Предпосылки и причины Второй мировой войны (1939—1945), развернувшейся как в Европе, так и в Азии, должны быть исследованы в полной мере, с тем чтобы извлечь уроки из трагических событий истории и исключить возможность их повторения.

В советской и современной отечественной историографии предпосылки и этапы восстановления советско-китайских дипломатических отношений освещены фрагментарно. В трудах известных советских

историков-международников М.С. Капицы [11, с. 253] и А.М. Дубинского [8, с. 33—34] нормализация отношений с СССР была описана не больше, чем вынужденный выбор генералиссимуса Чан Кайши (蒋介石, 1887—1975) под давлением общественности, обеспокоенной в 1931—1932 гг. углублением национального кризиса и гражданским противостоянием между Гоминьданом и коммунистами. По мнению представителя нового поколения российских китаистов А.В. Панцова, восстановление отношений между Китаем и СССР являлось отражением реализма во внешней политике И.В. Сталина, не желавшего допустить капитуляции Китая перед Японией, что, естественно, могло ускорить нападение Квантунской армии на СССР [13, с. 197]. Эти рассуждения являются убедительными лишь в определённой степени: в них игнорируется ряд внутренних и внешних факторов, способствовавших формированию новой внешней политики Китая в отношении СССР.

Новые рассекреченные китайские документы и материалы, которые были использованы в недавних исследованиях учёных КНР, Тайваня, а также в малочисленных трудах российских историков-международников (в том числе записи совещаний и бесед, телеграммы, воспоминания участников важных событий и т.д., касающиеся ключевых вех дипломатического курса гоминьдановского правительства в отношении СССР), позволяют в рамках более широкого контекста выяснить мотивацию и логику политики Китая на советском направлении в 1930-е гг. На основании современного осмысления этих документальных материалов можно дать ответ на вопрос о том, какие внешние и внутренние факторы вынудили гоминьдановское правительство, настроенное антикоммунистически, предпринять существенные шаги для восстановления и развития отношений с СССР. Именно в этом заключается главная цель данной статьи.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СССР И КИТАЯ В ПЕРИОД НАЧАЛА ЯПОНСКОЙ ЭКСПАНСИИ В АЗИИ (1931—1935)

Инициатива по урегулированию отношений с Советским Союзом возникла у руководства Китая в самый разгар маньчжурского кризиса не случайно. С конца XIX в. в китайской дипломатической тактике Россия считается потенциальным союзником в борьбе против японской экспансии на азиатском континенте. Первая попытка сдержать японскую агрессию с поддержкой России была сделана китайским правительством в 1896 г., после сокрушительного поражения сухопутных и военно-морских сил Цинской империи в первой Японо-китайской войне (1894—1895). Результатом её стало подписание Союзного договора между Российской империей и Китаем 22 мая 1896 г., вследствие чего расширение «сферы влияния» царской России на Дальнем Востоке привело к непосредственному столкновению между Россией и Японией. Спустя более чем 30 лет, в 1931—1932 гг., для высших лиц гоминьдановского правительства история

просто повторилась. Их цель — вовлечь Советский Союз в новый виток японо-китайского конфликта, от чего Китай смог получить только выгоду. Это признал в своей статье заместитель начальника генштаба гоминьдановской армии генерал Ян Цзе (杨杰, 1889—1949), возглавивший в 1930-х гг. военную делегацию Китая в СССР [21, с. 279]. Подобной мысли придерживались также многие общественные деятели. Так, в публичном заявлении от 18 октября 1931 г. члены Китайской Юношеской христианской ассоциации (中国青年基督教协会) призвали срочно и безусловно восстановить официальные связи с СССР, полагая, что между Советским Союзом и Японией начнётся война в ближайшем будущем [16, р. 64]. Неслучайно, что с сентября 1931 г. в различных беседах и речах политических и военных руководителей Китая снова появилась любимая фраза Ли Хунчжана¹ (李鸿章, 1823—1901): «Лянь э чжи жи» (联俄制日, «объединиться с Россией, чтобы подавить Японию») [23, с. 51—57] — именно в этом заключалась подлинная цель, преследуемая большей частью китайского руководства при пересмотре советской политики.

30 сентября 1931 г. на совещании Особого дипломатического комитета, созданного по указанию главы Гоминьдана Чан Кайши с целью разработки новой внешнеполитической стратегической линии на фоне углубления маньчжурского кризиса, было принято решение о возобновлении переговоров с СССР. Однако восстановление советско-китайских дипломатических отношений должно было осуществляться, по мнению большинства представителей гоминьдановского руководства, с определёнными оговорками, при соблюдении необходимых условий, к примеру, советское правительство должно было прекратить поддержку китайских коммунистов, признать китайскую принадлежность Внешней Монголии и Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) [18, с. 90] и т.д. В китайской историографии совещание Особого дипломатического комитета 30 сентября 1931 г. считается важным, так как оно является началом пересмотра китайским правительством внешней политики в отношении СССР.

В 1932 г. международная обстановка на Дальнем Востоке резко обострилась. Основание 1 марта 1932 г. марионеточного режима Маньчжоу-го и подписание Японией с ним протокола о взаимном признании 15 сентября 1932 г. лишили Чан Кайши последней возможности достижения общего понимания с японским правительством — уже несколько месяцев он пытался повлиять на решение Японии через умеренно-либеральных политиков в её парламенте. Лига Наций, на которую Китай возлагал большие надежды, оказалась бессильной перед японской агрессией — делегация этой страны прямо отвергла все обвинения и покинула заседание Ассамблеи Лиги Наций. В телеграмме китайскому послу в Японии от 12 октября 1932 г. Чан Кайши признал, что ситуация была критической: «Нашим друзьям (в Японии и на Западе) доверять больше нельзя» [17, с. 126].

¹ Генерал-губернатор столичной провинции Цинской империи, фактический руководитель внешней политики Китая последних десятилетий XIX в.

В то же время ряд удачных шагов советской дипломатии на международной арене произвёл сильное впечатление на руководство Китая. В 1932 г. китайский посол в Великобритании неоднократно докладывал Чан Кайши о росте доверия западных стран к советской власти, полагая, что США официально признают СССР в ближайшие годы. 12 сентября 1932 г. Чан лично инструктировал МИД Китая всеми силами ускорить переговоры с СССР, подчёркивая, что в данный момент, когда общее понимание между СССР и США было уже достигнуто, улучшение советско-китайских отношений не вызовет возражения со стороны Запада [17, с. 317]. Таким образом, решение о безусловном восстановлении дипломатических отношений с СССР было принято китайским правительством 5 октября 1932 г.

12 декабря 1932 г. представители СССР и Китая в Женеве после года переговоров объявили о полном возобновлении дипломатических отношений между двумя странами. В январе 1933 г. полномочным послом СССР в Китае был назначен Д.В. Богомолов. В советско-китайских отношениях открылась новая страница.

Восстановление дипотношений между СССР и Китаем произошло не сразу, это был сложный процесс, на который оказали воздействие различные международные факторы. Во-первых, Чан Кайши окончательно решил договариваться с Советским Союзом лишь после того, как Китай потерпел дипломатическое поражение в Японии и на Западе: непримиримость японо-китайских противоречий и бессилие международного миротворческого механизма вынудили гоминьдановское правительство «пожать руку» своему идеологическому врагу. Во-вторых, Чан и Сталин понимали важное стратегическое значение своих государств в сдерживании японской агрессии на азиатском континенте, поэтому, естественно, возобновление двухстороннего сотрудничества было выгодно обоим.

Несмотря на установление дипломатических отношений, противоречия между гоминьдановским Китаем и СССР сохранялись по вопросам о Внешней Монголии, поддержке СССР китайских коммунистов, местных правителей Синьцзяна. Перемирие было временным, это показал ход дальнейших событий. В 1934—1935 гг. подписание советско-монгольского соглашения о взаимной поддержке и продажа Маньчжоу-го КВЖД стали причиной резких антисоветских настроений китайского руководства, вследствие чего отношения между СССР и Китаем фактически были полностью заморожены.

СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ ОЧАГА ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1935—1937)

21 августа 1937 г., более чем через месяц с момента развязывания японской армией полномасштабной войны против Китая 7 июля, был подписан исторический Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой [14, с. 161—162], которым была заложена международно-правовая

основа для дружественных отношений двух стран [10, с. 297; 12, с. 94—95]. В течение 4-х лет (1937—1941) Советский Союз фактически являлся единственным государством, оказавшим Китаю военную и экономическую поддержку, а также помощь людскими ресурсами, которая имела решающее значение для того, чтобы армия и народ Китая смогли пережить самые тяжёлые дни войны.

Вопрос о поддержке Китая в антияпонской борьбе как важной составной части внешней политики СССР накануне Второй мировой войны активно обсуждался как в советской, так и в современной отечественной историографии. Большинство советских исследователей соглашалось с тем, что заключение Советско-китайского договора о ненападении и последовавшая за ним военная и экономическая помощь Китаю фактически являлись расширением советской политики коллективной безопасности на Дальнем Востоке. Современные российские учёные, обращающие больше внимания на прагматический характер сталинской внешнеполитической мысли, отмечают то, что советское руководство рассчитывало на сковывание японских сил в «китайском болоте» с тем, чтобы Квантунская армия не нападала на СССР.

Почти во всех исследованиях, посвящённых данной теме, подчёркивается, что инициатива в противостоянии японской агрессии исходила от Советского Союза, в то время как фактор Китая, по существу, игнорируется. Несмотря на то, что роль Китая в советско-японских отношениях (как и на тихоокеанском театре Второй мировой войны в целом) была затронута в некоторых новейших исследованиях российских учёных (среди которых отметим труды проф. Л.Е. Гришаевой, где термин «сдерживающий фактор Китая» впервые был введён в научный оборот [3, с. 10; 4, с. 80; 1, с. 22; 2, с. 38]), этот вопрос в целом всё-таки остаётся малоизученным в отечественной историографии. Явные изменения во внешней и внутренней политике Китая с середины 1930-х гг., приведшие к существенным изменениям в советско-китайских отношениях, были фактически проигнорированы многими современными исследователями.

Ключевым фактором, приведшим к перелому во внешней политике Китая во второй половине 1930-х гг., послужило выдвижение 8 октября 1935 г. японским министром иностранных дел Хирота Коки (広田弘毅, 1878—1948) так называемых «трёх принципов Хироты»: Япония требовала от Китая полностью прекратить антияпонские движения во всей стране, официально признать Маньчжоу-го, вместе с японцами создать антисоветские военно-оборонительные сооружения в Северном Китае с целью предотвращения распространения коммунизма [22, с. 32—33; 9, с. 583].

Цель этой политики заключалась в том, чтобы под предлогом «антикоммунизма» заставить гоминьдановское правительство поддаться японским агрессорам и затем превратить все оккупационные районы — Маньчжурию и большую часть Северного Китая — в настоящий плацдарм для будущей войны против Советского Союза [9, с. 583]. Именно поэтому «три принципа Хироты» касаются уже не только японо-китайских двухсторонних

отношений. И для Китая, и для СССР это было абсолютно неприемлемо. Чан Кайши написал в мемуарах, что именно после провозглашения «трёх принципов Хироты» он «пришёл к убеждению, что нам следует начать активные переговоры с Советским Союзом» [15, с. 92—94]. 18 октября 1935 г. в беседе с советским послом Д.В. Богомоловым генералиссимус Чан Кайши впервые выдвинул идею о заключении с СССР военного соглашения, подчеркнув, что он сделал это предложение не как представитель китайского правительства, а как командующий китайской армией [5, с. 537].

В одном из новейших своих исследований тайваньский историк-международник Сяо Лицзюй (萧李居), основываясь на рассекреченных документах Архива Тайваньского института национальной истории (国史馆), изучил влияние Германии на внешнюю политику Китая 1935—1936 гг. [20, с. 101—102]. Несмотря на то, что между Германией и Китаем были хорошие отношения, японо-германские переговоры 1935—1936 гг. и заключение 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновского пакта» вызвали в Китае волнения не меньше, чем в СССР. Китайцы были обеспокоены тем, что между Германией и Японией был какой-то тайный сговор, направленный на раздел Китая. А вот Чан Кайши, вынашивая свой собственный стратегический замысел, увидел в германо-японском сближении пользу для Китая. По его мнению, наступил благоприятный момент договориться со Сталиным, так как теперь у СССР возникла реальная опасность войны на два фронта.

Решающим шагом, предпринятым гоминьдановским правительством по укреплению взаимного доверия с СССР, являлся пересмотр политики в отношении Коммунистической партии Китая (КПК). Позиция советского правительства была ясна: СССР не заключит с Чан Кайши никакого соглашения до тех пор, пока стороны китайской гражданской войны не прекратят огонь, так как без внутренней солидарности воевать против японских агрессоров просто невозможно. Об этом упомянул заместитель наркома иностранных дел СССР Б.И. Стомонаков в письме советскому послу в Китае Д.В. Богомолову от 28 ноября 1935 г. [5, с. 601—602]. Письмо было передано Чан Кайши и произвело на него сильное впечатление. В это же время внимание генералиссимуса было привлечено к недавно опубликованной статье Ван Мина — одного из самых авторитетных руководителей КПК, возглавлявшего делегацию партии при Коминтерне с 1931 г., в которой была выдвинута инициатива по созданию «Единого антияпонского национального фронта» с участием разных политических сил Китая [19, с. 48]. В декабре 1935 — январе 1936 г. по личному указанию генералиссимуса Чан Кайши представители Гоминьдана в разных городах стали налаживать прямые контакты с КПК.

Политика гоминьдановского правительства в отношении КПК 1935—1936 гг. носила явно двойственный характер. На это указал автор биографии Чан Кайши А.В. Панцов. Он считает, что для Гоминьдана инициатива в переговорах с КПК, и даже с СССР, зависела от военной победы над коммунистами: «Прежде, чем что-то подписывать с КПК... добить китайскую компартию в её „логове“, чтобы «в будущем диктовать и СССР,

и поверженной китайской компартии свои условия» [13, с. 231—233]. Таким образом, с одной стороны, переговоры между гоминьдановцами и коммунистами продолжались; с другой стороны, на фронт гражданской войны было мобилизовано ещё больше гоминьдановских войск. У советского посла Д.В. Богомолова складывалось впечатление, что Чан пытался всяческими способами — военным и политическим — ликвидировать КПК и её Красную армию, чтобы совершенно устранить этот вопрос из советско-китайских отношений [6, с. 541].

Двойственная позиция Чан Кайши относительно прекращения гражданской войны вызвала значительное непонимание, особенно у войск, эвакуированных из Маньчжурии после японской оккупации: именно последние организовали мятеж в городе Сиань 12 декабря 1936 г., известный в историографии как «Сианьский инцидент» (“西安事变”). Следует отметить, что одно из новейших исследований тайваньского историка Ли Цзюньшаня показало, что в мятежных войсках господствовали сильные просоветские настроения [18, с. 136]. Позиция СССР по поддержке Чан Кайши оказала решающее воздействие на мирное разрешение инцидента, за что 3 апреля 1937 г. Чан лично выразил благодарность советскому послу Богомолу, обещая, что «со своей стороны примет все меры к улучшению советско-китайских отношений» [7, с. 156].

Мирное урегулирование «Сианьского инцидента» означало завершение десятилетней гражданской войны в Китае и заложило основу для создания единого антияпонского фронта с участием разных политических сил страны. С тех пор, вплоть до подписания Советско-китайского договора о ненападении 21 августа 1937 г., на двусторонних переговорах речь шла в основном о конкретных вопросах военной помощи и серьёзных противоречий между двумя государствами не наблюдалось. Япония, таким образом, будучи врагом обоих государств, вынудила Китай начать сближение с СССР на основе совпавших геополитических интересов.

С 1935 по 1937 г. отношения с СССР заняли центральное место во внешней политике Китая. Это было связано с новыми изменениями мирового порядка в тот период: демократические силы ослаблялись, формировался очаг войны, причём мировое коммунистическое движение якобы ослабело. Чан Кайши понял, что СССР — единственная страна, от которой Китай мог непосредственно получить военную и продовольственную помощь в случае войны, тем более что время и ресурсы у него были ограничены.

Камнем преткновения в отношениях между СССР и Китаем оставался вопрос КПК. Следует обратить внимание на следующий факт: первые контакты представителей Гоминьдана с китайскими коммунистами были налажены в декабре 1935 г. — сразу после того, как Чан Кайши получил письмо Б.И. Стомонакова от 12 ноября 1935 г., в котором заместитель наркома иностранных дел СССР уведомил генералиссимуса о том, что без соответствующего урегулирования взаимоотношений с КПК на советскую помощь рассчитывать нельзя [5, с. 601—602]. Нет сомнений, что проблема КПК для

Чана являлась не только внутривосточным вопросом, но и частью советской политики. Все годы Второй мировой войны КПК выступала как особый фактор в советско-китайских отношениях, который тем или иным путём воздействовал на внешнеполитические курсы обеих стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы значительным прогрессом в отечественной историографии, посвящённой исследованию международных отношений и внешней политики СССР накануне и во время Второй мировой войны, является введение в научный оборот профессором Л.Е. Гришаевой сущностного термина «сдерживающий фактор Китая» [3, с. 10; 4, с. 80; 1, с. 22; 2, с. 38]. Он позволяет точнее передать суть проблемы, глубже раскрыть роль Китая в мировой политике 1930—1940-х гг. и дать современную объективную оценку вклада китайского народа в победу во Второй мировой войне. Однако, несмотря на то, что интерес российских исследователей к истории Китая накануне и во время Второй мировой войны неуклонно растёт, в большинстве работ страна представляется второстепенным и пассивным участником международной политики на Дальнем Востоке в этот период и выступает как жертва геополитической конфронтации таких сильных держав, как СССР, США, Великобритания и Японская империя. Самостоятельная роль Китая в принятии внешнеполитических решений фактически игнорируется, что объективно противоречит выводу о том, что без Китая победа над милитаристской Японией, равно как и победа стран Антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне в целом, была бы просто невозможна.

В 1930-х гг. центральная задача внешней политики страны заключалась в том, чтобы преодолеть международную изоляцию в условиях расширения японской агрессии и найти себе союзников в национально-освободительной борьбе. Следует обратить внимание на дипломатические идеи самого Чан Кайши, которые фактически лежали в основе всех внешнеполитических актов гоминьдановского правительства. Ещё в молодости Чан был уверен, что множество трагических событий новейшей китайской истории произошло из-за того, что страна долгое время была скована «дальневосточным треугольником (Китай — Япония — Россия)». Чтобы преодолеть новый виток кризиса, необходимо было выйти за рамки этого «треугольника» и развивать отношения с западными демократическими странами [15, с. 94]. Именно поэтому изначально Китай возлагал большие надежды на посредничество Лиги Наций в японо-китайском конфликте, а советское направление в общем дипломатическом курсе страны представлялось лишь делом второстепенной важности, не больше, чем древняя философия Поднебесной «И и чжи и» (以夷治夷) — «использование одних варваров против других». Даже после восстановления дипломатических отношений с СССР в 1932 г. китайское правительство

затягивало дальнейшие переговоры с Советским Союзом до тех пор, пока отношения с Японией не были полностью разорваны.

В 1935—1936 гг. обострение обстановки на Дальнем Востоке, в частности провозглашение «трёх принципов Хироты» и заключение между Японией и Германией Антикоминтерновского пакта, вынудило руководство Китая пересмотреть свою внешнюю политику. С тех пор развитие отношений с СССР стало её основным направлением, для укрепления которого китайское правительство проявило большую активность. Окончание гражданской войны и примирение с КПК по сути дела являлись частью внешней политики Китая в отношении СССР, что устранило последнюю преграду на пути дальнейшего развития двусторонних отношений.

Следует сделать вывод о том, что во всей внешней политике Китая 1930-х гг. только советское направление было успешным. Советско-китайский договор о ненападении 1937 г. способствовал усилению антияпонской борьбы в Китае. Последовавшая за ним военная и экономическая поддержка, а также оказание помощи Китаю специалистами со стороны СССР были жизненно важны. Этим договором гарантировалась безопасность дальневосточных границ СССР. Именно совместные действия двух стран разрушили замысел японской военщины по развязыванию полномасштабной войны на Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гришаева Л.Е. Долгое эхо советско-японской войны 1945 г. // Дипломатическая служба. 2020. № 4 (91). С. 18—41.
2. Гришаева Л.Е. Начало и итоги Второй мировой войны: спорные вопросы // Дипломатическая служба. 2019. № 6 (87). С. 15—41.
3. Гришаева Л.Е. О виновниках и победителях во Второй мировой войне // Дипломатическая служба. 2020. № 2 (89). С. 6—35.
4. Гришаева Л.Е. «Потсдамская точка» во Второй мировой войне // Дипломатическая служба. 2015. № 5. С. 75—88.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 18 (1935 г.). М.: Изд-во политической литературы, 1968. 718 с.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 19 (1936 г.). М.: Изд-во политической литературы, 1976. 822 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. 20 (1937 г.). М.: Изд-во политической литературы, 1976. 816 с.
8. Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937—1945. М.: Мысль, 1980. 279 с.
9. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2. История Дальнего Востока России в эпоху советской модернизации (1922 — начало 1941 г.) / под общ. ред. чл.-корр. РАН В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с.
10. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. 7. Китайская Республика (1912—1949 гг.) / под ред. С.Л. Тихвинского, Н.Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. 853 с.
11. Капица М.С. Советско-китайские отношения. М.: Изд-во политической литературы, 1958. 424 с.

12. Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Т. 7. Китайская рапсодия. М.: Наука. 2014. 636 с.
13. Панцов А.В. Непобеждённый. Подлинная история Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. 507 с.
14. Советско-китайские отношения (1917—1957 гг.). Сборник документов / под ред. И.Ф. Курдюкова и др. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 467 с.
15. Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М.: Посев, 2009. 440 с.
16. John Israel. Student Nationalism in China 1927—1937. Stanford Calif.: Stanford University Press Publ., 1966. 253 p.
17. 蒋中正总统档案: 事略稿本. 卷12. 民国20年9月至12月 = Архивный фонд президента Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши): Черновой вариант биографического очерка. Т. 12. Сентябрь — декабрь 1931 г. Тайбэй: 国史馆, 2004. 600 с.
18. 李君山. 对日备战与对苏谈判 (1931—1937) = Ли Цзюньшань. Подготовка войны против Японии и советско-китайские переговоры (1931—1937) // 台大历史学报. 2009. № 43. С. 87—149.
19. 王力. 动荡中的同盟—抗战时期的中苏关系 = Ван Ли. Партнёрство в кризисные годы — советско-китайские отношения во время антияпонской войны. Гуйлинь: 广西人民出版社, 1993. 373 с.
20. 萧李居. 国民政府对德日《防共协定》的因应 = Сяо Лицзюй. Реакция гоминьдановского правительства на Антикоминтерновский пакт // 国史馆. 2018. № 58. С. 69—114.
21. 杨杰. 杨杰将军文集. 卷3 = Ян Цзе. Сборник сочинений. Т. 3. Куньмин: 云南民族出版社, 2011. 413 с.
22. 中日外交史料丛编. 卷4. 卢沟桥事变前后的中日外交关系 = Источники китайско-японских отношений. Т. 4. Японо-китайские отношения до и после «Инцидента на мосту Лугоу» 7 июля 1937 г. Тайбэй: 中华民国外交问题研究会, 1966. 547 с.
23. 左双文. 抗日战争时期国民政府外交决策研究 = Цзо Шуанвэнь. Внешняя политика гоминьдановского правительства во время войны против Японии. Пекин: 团结出版社, 2015. 301 с.

REFERENCES

1. Grishaeva L.E. Dolgoe ekho sovetско-японскоy voyny 1945 g. [The Long Echo of the Soviet-Japanese War of 1945]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 2020, no. 4 (91), pp. 18—41. (In Russ.)
2. Grishaeva L.E. Nachalo i itogi Vtoroy mirovoy voyny: spornye voprosy [The Beginning and Results of World War II: Controversial Issues]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 2019, no. 6 (87), pp. 15—41. (In Russ.)
3. Grishaeva L.E. O vinovnikakh i pobeditelyakh vo Vtoroy mirovoy voyne [On the Culprits and Winners in World War II]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 2020, no. 2 (89), pp. 6—35. (In Russ.)
4. Grishaeva L.E. “Potsdamskaya tochka” vo Vtoroy mirovoy voyne [“Potsdam Point” in World War II]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 2015, no. 5, pp. 75—88. (In Russ.)
5. *Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 18 (1935 g.)* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 18 (1935)]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1968, 718 p. (In Russ.)
6. *Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 19 (1936 g.)* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 19 (1936)]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1976, 822 p. (In Russ.)
7. *Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 20 (1937 g.)* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 20 (1937)]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1976, 816 p. (In Russ.)

8. Dubinskiy A.M. *Sovetsko-kitayskie otnosheniya v period yaponno-kitayskoy voyny 1937—1945* [Sino-Soviet Relations during the Sino-Japanese War in 1937—1945]. Moscow, Mysl' Publ., 1980, 279 p. (In Russ.)
9. *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 2. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii v epokhu sovetskoy modernizatsii (1922 — nachalo 1941 g.)* [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 2. History of the Russian Far East in the Era of Soviet Modernization (1922 — Early 1941)]. Ed. by RAS Corresponding Member V.L. Larin; executive ed. L.I. Gallyamova. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 656 p. (In Russ.)
10. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka. T. 7. Kitayskaya Respublika (1912—1949)* [History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century. Vol. 7: Republic of China (1912—1949)]. Ed. by S.L. Tikhvinskiy, N.L. Mamaev, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Nauka Publ., 2013, 853 p. (In Russ.)
11. Kapitsa M.S. *Sovetsko-kitayskie otnosheniya* [Soviet-Chinese Relations]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1958, 424 p. (In Russ.)
12. Myasnikov V.S. *Kastal'skiy klyuch kitaeveda. T. 7. Kitayskaya rapsodiya* [The Kastal'sky Key of the Sinologist. Vol. 7. Chinese Rhapsody]. Moscow, Nauka Publ., 2014, 636 p. (In Russ.)
13. Pantsov A.V. *Nepobezhdenny. Podlinnaya istoriya Chan Kayshi* [Undeclared. The True Story of Chiang Kai-shek]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2019, 507 p. (In Russ.)
14. *Sovetsko-kitayskie otnosheniya (1917—1957 gg.). Sbornik dokumentov* [Soviet-Chinese Relations (1917—1957). Collection of Documents]. Ed. by I.F. Kurdyukov et al. Moscow, Izd-vo vostochnoy literatury Publ., 1959, 467 p. (In Russ.)
15. Czyan Chzhunchzhyen (Chan Kayshi). *Sovetskaya Rossiya v Kitae. Vospominaniya i razmyshleniya v 70 let* [Soviet Russia in China. Recollections and Reflections during 70 years]. Moscow, Posev Publ., 2009, 440 p. (In Russ.)
16. John Israel. *Student Nationalism in China 1927—1937*. Stanford Calif., Stanford University Press Publ., 1966, 253 p. (In Eng.)
17. 蒋中正总统档案: 事略稿本. 卷12. 民国20年9月至12月 [The Archives of President Chiang Kai-shek: The Draft of the Biography Essay. Vol. 12. September — December 1931]. Taipei, 国史馆 Publ., 2004, 600 p. (In Chin.)
18. 李君山. 对日备战与对苏谈判 (1931—1937) [Li Junshan. Preparation for War with Japan and Negotiations with the Soviet Union (1931—1937)]. 台大历史学报, 2009, no. 43, pp. 87—149. (In Chin.)
19. 王力. 动荡中的同盟—抗战时期的中苏关系 [Wang Li. A Turbulent Alliance: Sino-Soviet Relations during the Anti-Japanese War]. Guilin, 广西人民出版社 Publ., 1993, 373 p. (In Chin.)
20. 萧李居. 国民政府对德日《防共协定》的因应 [The National Government's Response to the "Anti-Communist Agreement" between Germany and Japan]. 国史馆, 2018, no. 58, pp. 69—114. (In Chin.)
21. 杨杰. 杨杰将军文集. 卷3 [Yang Jie. Collected Works. Vol. 3]. Kunming, 云南民族出版社 Publ., 2011, 413 p. (In Chin.)
22. 中日外交史料丛编. 卷4. 卢沟桥事变前后的中日外交关系 [A Series of Historical Materials on Sino-Japanese Diplomacy. Vol. 4. Sino-Japanese Diplomatic Relations before and after the Lugouqiao Incident on July 7, 1937]. Taipei, 中华民国外交问题研究会 Publ., 1966, 547 p. (In Chin.)
23. 左双文. 抗日战争时期国民政府外交决策研究 [Research on the National Government's Diplomatic Policy during the Anti-Japanese War]. Beijing, 团结出版社 Publ., 2015, 301 p. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 17.02.2021